

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Дмитрий Сергеевич Григорьев

**Социальноэкономическая адаптация иммигрантов в контексте взаимной
аккультурации иммигрантов и принимающего населения**

Резюме диссертации

на соискание учёной степени
кандидата психологических наук НИУ ВШЭ (PhD HSE)

Научный руководитель:

Лебедева Надежда Михайловна
доктор психологических наук, профессор

Москва – 2018

Работа выполнена в департаменте психологии факультета социальных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

ПУБЛИКАЦИИ И АПРОБАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Публикации первого уровня¹

1. Grigoryev, D., & Berry, J. W. (2017). Acculturation preferences, ethnic and religious identification and the socio-economic adaptation of Russian-speaking immigrants in Belgium. *Journal of Intercultural Communication Research*, 46(6), 537–557. [doi:10.1080/17475759.2017.1386122](https://doi.org/10.1080/17475759.2017.1386122) (на английском)
2. Grigoryev, D., & van de Vijver, F. (2017). Acculturation profiles of Russian-speaking immigrants in Belgium and their socio-economic adaptation. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 38(9), 797–814. [doi:10.1080/01434632.2016.1268145](https://doi.org/10.1080/01434632.2016.1268145) (на английском)
3. Grigoryev, D., & van de Vijver, F. (2018). Acculturation expectation profiles of Russian majority group members and their intergroup attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 64(3), 90–99. [doi:10.1016/j.ijintrel.2018.03.001](https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.03.001) (на английском)

Публикации второго уровня²

4. Григорьев, Д. С. (2015). Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической

¹ Публикации первого уровня включают документы, индексируемые в базах данных Web of Science (Q1 или Q2) или Scopus (Q1 или Q2), а также рецензируемые коллекции конференций, которые отображаются в рейтингах CORE (ранги А и А*).

² Публикации второго уровня — это публикации, опубликованные в журналах, включенных в список высококачественных журналов НИУ ВШЭ, или индексируемые в базах данных Web of Science (Q3 или Q4) или Scopus (Q3 или Q4), а также рецензируемые коллекции конференций, которые появляются в CORE рейтинг (ранг В).

адаптации. *Культурно-историческая психология*, 11(1), 71–85.

[doi:10.17759/chp.2015110109](https://doi.org/10.17759/chp.2015110109)

5. Григорьев, Д. С. (2016). Ценности, социальная дистанция и установки по отношению к миграции: кросс-культурное исследование в Бельгии, Германии, Франции и Нидерландах. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 13(2), 273–298.
6. Григорьев, Д. С. (2017). Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения. *Социальная психология и общество*, 8(3), 63–84. [doi:10.17759/sps.2017080306](https://doi.org/10.17759/sps.2017080306)

Остальные публикации

7. Grigoryev, D. (2015). Ethnic and religious identification, acculturation attitudes and the socio-economic adaptation of immigrants. *SSRN Electronic Journal*. [doi:10.2139/ssrn.2600845](https://doi.org/10.2139/ssrn.2600845) (на английском)
8. Григорьев, Д. С. (2015). Влияние выраженности этнической идентичности на выбор мигрантами их аккультурационной установки. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 4(1), 63–66.
9. Григорьев, Д. С. (2015). Аккультурационные профили мигрантов и уровень их социоэкономической адаптации. *Мир образования – образование в мире*, 59(3), 75–85.
10. Grigoryev, D. (2016). Acculturation profiles of immigrants and their level of socio-economic adaptation. *SSRN Electronic Journal*. [doi:10.2139/ssrn.2739727](https://doi.org/10.2139/ssrn.2739727) (на английском)
11. Григорьев, Д. С. (2017). Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир. *Национальный психологический журнал*, 28(4), 30–44. [doi:10.11621/npj.2017.0403](https://doi.org/10.11621/npj.2017.0403)

12. Григорьев, Д. С. (2017). Межгрупповые установки принимающего населения и дискриминация мигрантов в России, в кн.: *Межкультурные отношения на постсоветском пространстве*. Монография под общ. Ред. Н.М. Лебедевой — М.: Изд-во «Менеджер», 82–121.

Доклады на конференциях

1. V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития», 20-21 ноября 2015, (Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия). Доклад: *Теоретическая модель социоэкономической адаптации мигрантов: на примере русскоязычных мигрантов в Бельгии*.

2. V Международная научная конференция «Психология индивидуальности», 09-11 декабря 2015, (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия). Доклад: *A theoretical model of the socio-economic adaptation of immigrants: The case of Russian-speaking immigrants in Belgium*. (на английском)

3. III Международная научная конференция "Culture in society, between groups and across generations", 30 мая–01 июня 2016, (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия). Доклад: *Acculturation profiles of Russian-speaking immigrants in Belgium and their level of socio-economic adaptation*. (на английском)

4. IV Международная научная конференция "Culture in society, between groups and across generations", 18-20 апреля 2017, (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия). Доклад: *Discordance of acculturation attitudes of natives and their support of discrimination of immigrants in Russia*. (на английском)

ТЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Стремительный рост современных миграционных потоков сопровождается значительным увеличением трудовой иммиграции, поскольку одной из главных причин иммиграции является достижение более высокого уровня жизни. Однако, несмотря на то, что иммигранты стремятся улучшить качество своей жизни, иммиграция чаще всего связана с различными проблемами, дискриминацией и экономическими трудностями (Wong, Chou, & Chow, 2012). В этой связи проблема социоэкономической адаптации в принимающем обществе для иммигрантов всегда актуальна. К сожалению, как отметил Nayfron (2006), экономические исследования рынка труда не затрагивали психологических последствий иммиграции, т. е. анализа того, с какими психологическими проблемами и трудностями, встречаются иммигранты в процессе аккультурации. Этот пробел, вероятно, связан с тем, что большинство экономистов и социологов рассматривают эту проблему как область психологии; однако социоэкономическая адаптация практически не изучалась психологами (см. также Jasinskaja-Lahti, 2008), а самая немногочисленная существующая литература ориентирована только на ассимиляцию как способ аккультурации (Nayfron, 2006).

В своем диссертационном исследовании я рассматриваю социоэкономическую адаптацию иммигрантов в контексте взаимной аккультурации иммигрантов и принимающего населения. В части исследования иммигрантов в центре внимания было сравнение гипотезы интеграции (напр., Berry, 1997) и экологической модели аккультурации (*ecological acculturation framework*) (напр., Salo & Birman, 2015), кроме того для оценки социоэкономической адаптации использовались несколько показателей, а также рассматривались её психологические antecedенты (см. Grigoryev & Berry, 2017; Grigoryev & van de Vijver, 2017). В части исследования членов принимающего общества были рассмотрены психологические antecedенты

одобрения дискриминации иммигрантов в социоэкономической сфере, в частности, взаимосвязи между одобрением дискриминации иммигрантов в социоэкономической сфере и аккультурационными ожиданиями, а также другими межгрупповыми установками принимающего населения (см. Grigoryev, 2017; Grigoryev & van de Vijver, 2018). Такой анализ социоэкономической адаптации иммигрантов с обеих сторон (иммигранты и принимающее население) позволяет увеличить наши знания о социоэкономической адаптации иммигрантов и, возможно, о способах ее фасилитации.

Таким образом, вклад этого исследования в теоретическую область заключается в том, что эти результаты позволяют расширить наше понимание роли психологических antecedентов в социоэкономической адаптации иммигрантов. В практических аспектах это означает, что полученные результаты могут быть использованы государственными органами и НКО при организации комплекса мероприятий по работе с иммигрантами, направленных на помощь им в интеграции и адаптации в принимающем обществе.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Первым кто использовал слово «аккультурация» был Дж. Пауэлл в 1880 г., который понимал под ним психологические изменения, вызванные «кросс-культурной имитацией», и использовано оно было в контексте описания изменений в индейских языках (Sabatier & Boutry, 2006). Хотя сам феномен, который стоит за понятием «аккультурация» обсуждался ещё Платоном, по сути впервые проблема осмысления последствий аккультурации была поставлена именно им, в сборнике Законы. Книга XII (Rudmin, 2003). Изначально исследование аккультурации закрепилось в социальной антропологии (Ф. Боас, У. Холмс, Р. Лоуи и др.), и связано было с исследованием процессов культурных изменений в племенах североамериканских индейцев, позже аккультурация стала активно изучаться в рамках социологии и

социальной психологии. (Sabatier & Boutry, 2006). В 1904 г. Грэнвилл Стэнли Холл, первый президент Американской психологической ассоциации (American Psychological Association, APA) и Университета Кларка (США), вероятно, был первым психологом, который начал писать об аккультурации, он утверждал, что приобретение первой и второй культуры для человека подобно образовательному процессу — человек учится культуре (Rudmin, 2003). В 1918 г. У. Томасом и Ф. Знанецким была предложена первая психологическая теория аккультурации с помощью которой они изучали польских мигрантов в Чикаго. И наконец в 1936 г. антропологами Р. Редфилдом, Р. Линтоном и М. Херсковитцем было дано первое и самое известное определение аккультурации: «Аккультурация проявляется тогда, когда группы лиц, имеющие разные культуры, приходят в непрерывное общение с последующими изменениями в оригинальной модели культуры одной или обеих группах» (Redfield, Linton, & Herskovits, 1936, с. 149).

Современное понятие аккультурации адресует к изменениям, которые происходят, когда люди, которые социализировались в одном культурном контексте, меняют его на другой контекст, например, в результате иммиграции. Концепция аккультурации и адаптации в психологии используется для обозначения психологических изменений, которые происходят у людей, вовлеченных в процесс аккультурации и их возможных последствий (Berry, 2017). На групповом уровне аккультурационные изменения включают демографические, культурные, политические и экономические изменения, которые могут варьироваться от относительно незначительных изменений в образе жизни обеих групп до значительных; изменения на уровне населения обеспечивают основу для индивидуальных изменений (Berry, Poortinga, Breugelmans, Chasiotis, & Sam, 2011). На индивидуальном уровне аккультурация — это динамичный и сложный процесс, который охватывает изменения в поведении, языке, личности, ценностях и социальных отношениях и включает в себя набор предпочтений о том, как вести себя в процессе аккультурации, так называемые стратегии / ориентации / предпочтения /

установки, которые часто связаны с поведением (Arends-Tóth & van de Vijver, 2006). Согласно известной таксономии Berry (1997), стратегии аккультурации предполагают, что иммигранты решают два вопроса: поддержание своей культуры и принятие доминирующей культуры. Поддержание собственной культуры, но отказ принять доминирующую культуру — это стратегия сепарации. В противоположность этому, принятие доминирующей культуры, но отказ от поддержания собственной культуры — это стратегия ассимиляции. Одновременная ориентация на обе культуры: сохранение собственной культуры и принятие доминирующей культуры — стратегия интеграции. Кроме того, ответ на эти вопросы касается двух сфер аккультурации: частной и публичной (Arends-Tóth & van de Vijver, 2003) или периферийной и центральной (Navas et al., 2005). Например, публичная сфера может включать такие домены, например, как, работа, социальные отношения, дружба и язык; частная сфера может включать такие домены, например, как потребительские привычки, семейные отношения, религиозные убеждения и обычаи, а также ценности и принципы. Другими словами, аккультурация также является процессом, домено-специфичным; аккультурация находится в экологическом контексте и поэтому должна рассматриваться как контекстно-специфический процесс (Ward & Geeraert, 2016), как это предлагается, например, в Ecological Acculturation Framework (напр., Birman, Simon, Chan, & Tran, 2014; Salo & Birman, 2015) и Relative Acculturation Extended Model (RAEM) (Navas et al., 2005). Предполагается, что контекстная специфика может принимать форму доменной зависимости для аккультурационных ориентаций и поведения.

Индивидуальные различия в психологических характеристиках, которые люди привносят в процесс аккультурации, приводят к адаптации, что является следствием того, что происходит с отдельными людьми или группами в ответ на требования внешней среды (Berry, 1997). Адаптация может привести к взаимному соответствию между человеком и окружающей средой или нет. Searle и Ward (1990) были первыми, кто начал различать психологическую и социокультурную адаптацию. Позже Аусан и

Berry (1996) также стали рассматривать экономическую адаптацию, которую они определили как полноценное участие в экономической жизни в Канаде, достигнув определенного уровня доходов при сопоставлении запланированных и достигнутых финансовых целей. Семейная адаптация также может быть одним из основных аспектов адаптации, в таком случае брачные пары изучаются в процессе аккультурации в целом (Ataca & Berry, 2002). В современных исследованиях адаптации все чаще выявляется социоэкономическая адаптация, которая рассматривается как более расширенный вариант экономической адаптации, ранее предложенной Аусан и Berry (1996) (см., напр., Besevegis & Pavlopoulos, 2008; Jasinskaja-Lahti, 2008; Jasinskaja-Lahti, Horenczyk, & Kinunen, 2011). Социоэкономическую адаптацию можно определить как результат, позволяющий иммигрантам полноценно участвовать в социальной и экономической жизни принимающего общества (Grigoryev & Berry, 2017). Этот аспект адаптации также связан с психологической и социокультурной адаптацией (Jasinskaja-Lahti, 2008).

Современные исследования показывают, что большинство иммигрантов уезжает в другую страну главным образом по экономическим причинам. Например, Ward, Bochner, и Furnham (2001) отметили, что, несмотря на устойчивое стремление иммигрантов получить финансовую безопасность, они сталкиваются с серьезными препятствиями; достичь экономического успеха для них сложнее, чем для местных жителей. В процессе иммиграции в другую страну, который часто сопровождается значительными издержками и рисками, иммигранты более вероятно становятся безработными или вынуждены работать неполный рабочий день. Особые трудности связаны с неприемлемыми жилищными условиями, безработицей, низким доходом, дискриминацией, социальной изоляцией, низким социально-экономическим статусом (СЭС) и низким качеством жизни (Wong, Chou, & Chow, 2012). Даже когда иммигрантам удается найти работу, они обычно находятся в неравном положении по сравнению с местными жителями (Winter-Ebmer, 1994). Первая занятость, даже для высокообразованных иммигрантов, часто относится к непрестижной сфере занятости

на так называемом «вторичном рынке труда» (например, услуги по уборке, строительные работы и т. д.). Такая занятость характеризуется низкими требованиями к уровню владения языком и, следовательно, низкими доходами, срочными контрактами и ограниченными возможностями для карьерного роста (Haberfeld, Semyonov, & Cohen, 2000; Forsander, Salmenhaara, Meleg, & Kondrateva, 2007). Все большее число исследований направлено на содействие адаптации иммигрантов и улучшению их качества жизни (van der Zee & Sandal, 2016; Wong, Chou, & Chow, 2012). Тем не менее, предмет социоэкономической адаптации в целом мало изучен (Hayfron, 2006; Jasinskaja-Lahti, 2008). Более того, в предыдущих исследованиях часто основное внимание уделялось занятости как единственному показателю социоэкономической адаптации, что является плохой репрезентацией из всех возможных социально-экономических показателей, что в свою очередь ограничивает наше понимание процесса. Социоэкономическая адаптация позволяет иммигрантам полноценно участвовать в социальной и экономической жизни принимающего общества, поэтому для её изучения нужно вовлекать множество показателей (см. Grigoryev 2015; Grigoryev & Berry, 2017; Grigoryev & van de Vijver, 2017).

В целом, обобщая существующие исследования, можно выделить и классифицировать некоторые из основных факторов, которые могут быть связаны с социоэкономической адаптацией иммигрантов (Grigoryev, 2015) на основе эмпирически проверенной (Potocky-Tripodi, 2003) теоретической модели экономической адаптации беженцев (см. Kuhlman, 1991): (1) социально-демографические характеристики иммигрантов (напр., пол, возраст, образование, этническая принадлежность, семейный состав и т. д.); (2) характеристики пребывания в стране (напр., продолжительность пребывания, начальные условия иммигрантов, поездки и передвижения внутри страны пребывания и т. д.); (3) неэкономические и психологические аспекты (напр., уровень владения языком, стратегии аккультурации, установки к социальной мобильности и изменению места жительства и т. д.); (4) характеристики принимающего общества и страны (напр., экономические условия,

этнический состав, социальная и культурная дистанция, отношение к иммиграции и иммигрантам и т. д.); и (5) государственная политика в отношении иммигрантов (напр., наличие квот и льгот, юридические права, работа институтов, уровень коррупции и т. д.). Если первые три группы относятся к внутренним факторам, которые связаны с самими иммигрантами, то последние две группы представляют собой внешние условия адаптации, которые напрямую не зависят от иммигрантов. На индивидуальном уровне вопросы аккультурации охватываются первыми четырьмя группами факторов.

В нескольких моделях рассматриваются межгрупповые отношения и их последствия для аккультурационных предпочтений обеих групп (напр., Bourhis, Moïse, Perreault, & Senécal, 1997; Navas et al., 2005; Piontkowski, Rohmann, & Florack, 2002), поскольку аккультурация происходит с двух сторон, то есть члены принимающего общества также участвуют в этом процессе, когда иммигранты в большом количестве приезжают в страну. Принимающее население также имеет предпочтения в отношении того, как иммигранты должны себя вести — так называемые аккультурационные ожидания. Эти предпочтения также могут варьироваться в зависимости от частных или публичных доменов. Представители принимающего населения могут ожидать ассимиляции в некоторых доменах (напр., на рабочем месте) и интеграции в других (напр., ценности). У них есть некоторые представления (субъективная оценка) о том, как иммигранты ведут себя в своей жизни в принимающей стране по этим вопросам для каждого домена, и эти представления могут быть далеки от реального положения дел. Несоответствие между этими взглядами представителей принимающего общества и их ожиданиями относительно поведения иммигрантов может спровоцировать воспринимаемую угрозу со стороны иммигрантов, отсутствие готовности к контактам, а затем — дискриминацию иммигрантов и конфликты (Piontkowski, Rohmann, & Florack, 2002). Дискриминация, в свою очередь, затрудняет адаптацию иммигрантов и, как следствие, интеграцию в принимающее общество. Трудности адаптации иммигрантов могут привести к

различным негативным последствиям как для самих иммигрантов, так и для общества и экономики принимающей страны; дискриминация иммигрантов в социоэкономической сфере (напр., рабочее место, рынок труда, аренда жилья и т. д.) является самой серьезной по своим последствиям (OECD, 2013).

Описание исследований

После данного краткого введения в область, я кратко излагаю описания своих исследований. В первой части моего исследовательского проекта (исследование 1 и исследование 2) использовалась выборка первого поколения высокообразованных русскоязычных иммигрантов ($N = 132$), в возрасте от 19 до 65 лет ($M = 35.9$; $SD = 9.3$), с различной длительностью пребывания в Бельгии (от 2 месяцев до 18 лет ($M = 7.1$; $SD = 5.0$)) и все они прибыли в Бельгию из России. В целом я задавался вопросом, какие последствия для социоэкономической адаптации русскоязычных иммигрантов в Бельгии имеют разные аккультурационные ориентации? Я изучил их ориентацию на принимающее общество (интеграцию и ассимиляцию), ориентацию на свою собственную этническую группу (сепарацию) в основных сферах жизни, продолжительность их пребывания в принимающей стране и взаимодействие между этими факторами, используя комбинацию подхода, ориентированного на переменные (variable-oriented), и подхода ориентированного на человека (person-oriented) (см. Bergman & Magnusson, 1997; Bergman & Trost, 2006), а также использовал расширенную шкалу социоэкономической адаптации. Подход, ориентированный на человека (person-oriented) предполагает применение методов группировки, таких как кластерный анализ или анализ латентных классов, что позволяет выделять подгруппы со сходными аккультурационными характеристиками. Согласно данным OECD (2008, 2015), в Бельгии имеется одна из крупнейших иммигрантских общин в Европе, где более 12% составляют иностранцы, рожденные в стране. Бельгия имеет высокий уровень жизни и стабильную экономику, которая ежегодно привлекает большое количество иммигрантов, и немногие иммигранты возвращаются в Россию из Бельгии (Corluy, Pina, & Verbist 2015, OECD, 2008, 2015). Тем не менее, положение

иммигрантов на рынке труда в Бельгии, как правило, неблагоприятное. Это демонстрируют низкие показатели занятости в международном сопоставлении, особенно для иммигрантов из стран, не входящих в ЕС. Безработица также высока, а безработица среди иммигрантов почти в два с половиной раза выше, чем среди местного населения. Тем не менее, Бельгия остается одной из самых популярных стран назначения для русскоязычных иммигрантов, несмотря на значительные трудности с получением виз и разрешений на работу и высоким уровнем безработицы среди иммигрантов по сравнению с другими странами ЕС (Bisin, Patacchini, Verdier, & Zenou, 2011; Corluy, Pina и Verbist, 2015, OECD, 2008, 2015). Для измерения использовались следующие методики: этническая и религиозная идентификация (Verkuyten & Yildiz, 2007), аккультурационные установки, шкала из опросника Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS) (Татарко, Лебедева, 2011), индекс социоэкономической адаптации из World Bank survey (индикаторы: профессиональный статус, постоянная работа в настоящее время, ежемесячные сбережения, профессиональное развитие, улучшение финансового положения, улучшение профессионального статуса) (Besevegis & Pavlopoulos, 2008), а также использовался открытый вопрос о времени пребывания в Бельгии и вопросы об уровне владения языками принимающей страны (понимаю, говорю, пишу, читаю: нидерландский, французский, немецкий, английский).

Во второй части моего исследовательского проекта (исследование 3 и исследование 4), используя подход, ориентированный на человека (person-oriented), я рассмотрел аккультурационные профили (аккультурационные ожидания) представителей российского общества ($N = 576$), в возрасте от 15 до 79 лет ($M = 35.1$, $SD = 13.4$), и взаимосвязи между этими профилями и соответствующими межгрупповыми установками. В целом, я задавался вопросом, какие последствия для одобрения дискриминации иммигрантов в социоэкономической области принимающим населением имеют разные аккультурационные ожидания и межгрупповые установки? Я обратился к русскому населению, чтобы изучить этот

вопрос, учитывая, что эта популяция очень разнообразна и была недостаточно изучена (напр., Jurcik, Chentsova-Dutton, Solopieieva-Jurcikova, & Ryder, 2013); Российская Федерация исторически является плюралистичным обществом, состоящим более чем из 190 этнических групп, на территории Российской Федерации расположена 21 национальная республика. Согласно оценке ООН, Российская Федерация являлась второй по величине страной в мире по размещению количества иммигрантов в 2013 году после Соединенных Штатов. После европейского кризиса беженцев в 2015 году Россия заняла третье место с небольшим отрывом (Lebedeva, Tatarko, & Berry, 2016). Исследователи, изучающие межгрупповые отношения в России в рамках проекта Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS) (см., напр., Lebedeva, Galyapina, Lepshokova, & Ryabichenko, 2017), отметили, что, несмотря на разнообразие в контекстах (напр., Центрального федерального округа России или Северного Кавказа), ответственность и ведущая роль в совершенствовании межкультурных отношений в России принадлежат доминирующей группе; мигранты и этнические меньшинства предпочитают стратегию интеграции. Однако отношение россиян к миграции и мигрантам является скорее негативным, несмотря на некоторые, в основном, очевидные экономические потребности в трудовых мигрантах, термин «мигранты» связан в основном с им/мигрантами из Центральной Азии и Кавказа, которые часто считаются источником экономического бремени и культурной угрозы (Lebedeva et al., 2017). Кроме того, в России по-прежнему отсутствует четкая иммиграционная политика и какие-либо специальные программы улучшения взаимных межкультурных отношений большинства и меньшинств, которые прежде всего должны были быть сосредоточены на повышении культурной, экономической и физической безопасности представителей доминирующей группы, поскольку все это вместе положительно связано с принятием иммигрантов и адаптацией к новым поликультурным реалиям российских городов (Lebedeva & Tatarko, 2013). Для измерения использовались следующие методики: вера в опасный мир и вера в конкурентный мир (Duckitt, 2001), авторитаризм правого толка (Altemeyer, 1996),

ориентация на социальное доминирование (Ho et al., 2012), мультикультурная идеология (Berry & Kalin, 1995), готовность к межгрупповому контакту (Halperin, Canetti-Nisim, & Pedahzur, 2007), одобрение дискриминации иммигрантов в социоэкономической сфере: оценка уровня одобрения поведения, отражающего дискриминацию мигрантов на рабочем месте, на рынке труда, в сфере аренды жилья и в других областях соответствующих социально-экономической области согласно литературе (см. OECD, 2013; Dancygier & Laitin, 2014; Mallender et al., 2014), аккультурационные ожидания, шкала, содержащая пункты из методики Расширенной модели взаимной аккультурации (Relative Acculturation Extended Model, RAEM) (Navas et al., 2005).

Кроме того, вклад данного диссертационного исследования в область изучения аккультурации обусловлен теоретической, методологической и эмпирической новизной:

теоретическая новизна

- была проведена концептуализация понятия «социоэкономическая адаптация иммигрантов», дано его определение, классифицированы факторы влияющие на нее, определены и обсуждались ключевые индикаторы, а также обоснована необходимость рассмотрения социоэкономической адаптации в исследованиях аккультурации иммигрантов;

- значительно расширено обоснование необходимости рассмотрения взаимной аккультурации иммигрантов и принимающего населения с учетом доменной специфики аккультурации, например деление на публичную и частную сферу аккультурации.

- для объяснения одобрения дискриминации в социоэкономической сфере, совместно рассматривались модели из области аккультурации и межгрупповых отношений, что бывает крайне редко для исследований такого рода (см. Ward, Szabo, & Stuart, 2017). В частности совместно рассмотрены двухкомпонентная модель Дж. Даккита (Duckitt, 2001; Duckitt & Sibley, 2017) и модель отношений принимающего

общества к культурному многообразию (Berry, 2006; Berry & Kalin, 1995; Schalk-Soekar & van de Vijver, 2008), чтобы выяснить, сколько предсказанной дисперсии разделяют модели, и в какой степени каждая модель добавляет уникальный компонент к предсказанию. Были обсуждены перспективы интеграции такого рода моделей для объяснений дискриминации;

методологическая новизна

- использовалась комбинация подхода, ориентированного на переменные (variable-oriented) и подхода, ориентированного на человека (person-oriented), относительно аккультурации. Были показаны преимущества и недостатки каждого из них, обсуждены последствия применения и даны практические рекомендации;

- впервые в литературе по аккультурации ориентированный на человека (person-oriented) подход был использован совместно со шкалами из модели Relative Acculturation Extended Model (RAEM), учитывающей специфику в публичной и частной сфере аккультурации;

- данное исследование также имеет значимый вклад в развитие исследовательского инструментария. Основываясь на литературе по данной теме (см. Dancygier & Laitin, 2014; Mallender et al., 2014; OECD, 2013) была разработана и апробирована шкала одобрения дискриминации в социоэкономической сфере, попутно были переведены и адаптированы на русский язык ряд хорошо зарекомендовавших себя в исследованиях аккультурации и межгрупповых отношений шкал (напр. шкалы из модели Relative Acculturation Extended Model (RAEM) (Navas et al., 2005), ориентация на социальное доминирование 7-ая версия (Ho et al., 2012), готовность к межгрупповому контакту (Halperin, Canetti-Nisim, & Pedahzur, 2007));

эмпирическая новизна

- было проведено эмпирическое сравнение гипотезы интеграции (напр., Berry, 1997) и экологической модели аккультурации (ecological acculturation framework) (напр., Salo & Birman, 2015) с использованием ориентированного на человека (person-

oriented) подхода относительно социоэкономической адаптации русскоязычных иммигрантов в Бельгии;

- на русскоязычных иммигрантах в Бельгии была проверена путевая модель социоэкономической адаптации иммигрантов первого поколения, сочетающая социодемографические переменные, аккультурационные предпочтения и компоненты социальной идентичности (этническую и религиозную идентификацию);

- впервые использовался ориентированный на человека (person-oriented) подход для выявления профилей аккультурационных ожиданий принимающего населения в России.

Ниже я описываю каждое из своих исследований более подробно.

Часть 1. Исследование 1. Аккультурационные профили русскоязычных иммигрантов в Бельгии и их социоэкономическая адаптация

В исследовании Grigoryev и van de Vijver (2017) изучалось, как различные формы аккультурации русскоязычных иммигрантов первого поколения в Бельгии, редко изучаемой группы, были связаны с их социоэкономической адаптацией. Более конкретно, в исследовании рассматривалась их ориентация на принимающее общество (интеграция и ассимиляция), ориентация на их собственную этническую группу (сепарация) в основных областях жизни, продолжительность их пребывания в принимающей стране и взаимодействие между этими факторами.

Проверялись следующие гипотезы: H1: Группа иммигрантов с более сильной ориентацией на принимающее общество (ассимиляция и интеграция) имеют более высокий уровень СЭА, чем группа иммигрантов с ориентацией на этническую группу (интеграция, ассимиляция > сепарация). H2: Продолжительность пребывания также имеет значение; группа иммигрантов с более длительным пребыванием имеет более высокий уровень СЭА (длительное пребывание > среднее пребывание > короткое пребывание). Принимая во внимание возможный зависящий от времени эффект аккультурации (взаимодействие между аккультурацией и продолжительностью

пребывания), Н3: Группа иммигрантов с ориентацией на принимающее общество и этническую группу (интеграции) с низкой продолжительностью пребывания имеют самый высокий уровень СЭА среди других групп с короткой продолжительностью пребывания, поскольку они могут использовать как ресурсы их собственной этнической группы, так и ресурсы принимающего общества (интеграция + краткосрочное пребывание > ассимиляция + короткое пребывание, сепарация + короткое пребывание). Н4: Иммигранты с более сильной ориентацией на их этническую группу (сепарация) получают меньше преимуществ от длительного пребывания в принимающей стране (интеграция + среднее или длительное пребывание, ассимиляция + среднее или длительное пребывание > сепарация + длительное пребывание).

Новизна исследования заключается в использовании подхода ориентированного на человека (person-oriented), который использовался путем применения анализа латентных профилей, расширенного эксплораторного статистического анализа, который позволяет идентифицировать группы иммигрантов с аналогичными аккультурационными характеристиками. Кроме того, в то время как во многих исследованиях аккультурации основное внимание уделяется статусу занятости как единственному показателю социоэкономической адаптации, в этом исследовании таких показателей было значительно больше; более конкретно, был использован индекс социоэкономической адаптации, который был составлен Всемирным банком (World Bank), и предоставил детальную информацию о социоэкономической адаптации иммигрантов, учитывая сразу несколько показателей.

Значимость данного исследования заключается в том, что результаты показывают, что при всем желании иммигрантов полностью скорректировать свою социальную и экономическую жизнь в принимающем обществе, сделать это для них не всегда возможно по нескольким причинам. Иногда, в зависимости от конкретного контекста, одной из причин является зависимость от их собственной этнической

группы, либо пренебрежение или отсутствие возможности для ориентации на принимающее общество.

Часть 1. Исследование 2. Аккультурационные предпочтения, этническая и религиозная идентификация и социоэкономическая адаптация русскоязычных иммигрантов в Бельгии

В исследовании, проведенном Grigoryev и Berry (2017), была рассмотрена выборка первого поколения высокообразованных русскоязычных иммигрантов в Бельгии. Новизна исследования заключалась в проверке расширенной модели социоэкономической адаптации иммигрантов на индивидуальном уровне, в которой аккультурационные предпочтения использовались в качестве ключевых психологических antecedентов социоэкономической адаптации. Этническая и религиозная идентификация также оценивались в качестве предикторов аккультурационных предпочтений. Если в предыдущем исследовании использовался подход, ориентированный на человека (person-oriented), который является холистическим, то в данном исследовании применялся подход, ориентированный на переменные (variable-oriented), который является более аналитическим, что позволило оценить взаимосвязи переменных, включенных ранее в аккультурационные профили. В предлагаемой модели социоэкономическая адаптация иммигрантов предсказывалась на индивидуальном уровне, используя их аккультурационные предпочтения, уровень владения языком страны пребывания и продолжительность пребывания в принимающей стране. Проверка модели осуществлялась с помощью путевого анализа.

Проверялись следующие гипотезы: H1: Аккультурационные предпочтения, предполагающие ориентацию на принимающую группу (интеграция и ассимиляция), положительно связаны с высоким уровнем социоэкономической адаптации. H2: Аккультурационное предпочтение, связанное с сепарацией от принимающей группы (сепарация), отрицательно связано с социоэкономической адаптацией. H3:

Иммигранты с более высоким уровнем владения языком принимающей страны и более продолжительным пребыванием в принимающей стране имеют более высокий уровень социоэкономической адаптации. Н4: Сильная этническая и религиозная идентификация положительно связаны с выбором ассимиляции и отрицательно с выбором сепарации. Н5: Высокий уровень языковых навыков положительно связан с предпочтениями, которые предполагают ориентацию на принимающее общество (интеграция и ассимиляция). Н6: Чем дольше иммигранты проживают в принимающей стране, тем больше они склонны сосредоточиться на интеграции и меньше на сепарации.

Значимость данного исследования заключается в демонстрации того, что ряд психологических факторов связан с социоэкономической адаптацией иммигрантов. А именно, наиболее важным является то, что аккультурационные предпочтения иммигрантов, независимо от продолжительности их пребывания в принимающей стране и языковых навыков, были связаны с уровнем их социоэкономической адаптации: стратегии интеграции и ассимиляции были связаны с более высокой социоэкономической адаптацией, а сепарация была связана с более низкой социоэкономической адаптацией.

Часть 2. Исследование 3. Дискриминация иммигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения

В исследовании Grigoryev (2017) была опробована концептуальная модель, включающая авторитарные установки, мультикультурную идеологию и установки по отношению к иммигрантам, которые охватывают как позитивные, так и отрицательные аспекты межгрупповых отношений: готовность участвовать в межгрупповых контактах и одобрение дискриминации иммигрантов в социоэкономической сфере.

Проверялись следующие гипотезы. Н1: Вера в опасный мир положительно связана с авторитаризмом правого толка, а вера в конкурентный мир положительно

связана с ориентацией на социальное доминирование. Н2: И вера в опасный мир, и вера в конкурентный мир, отрицательно связаны с поддержкой мультикультурной идеологии и готовностью к межгрупповому контакту. Н3: И авторитаризм правого толка, и ориентация на социальное доминирование, положительно связаны с одобрением дискриминации иммигрантов в социоэкономической сфере и отрицательно — с поддержкой мультикультурной идеологии и готовностью к межгрупповому контакту. Н4: Мультикультурная идеология и готовность к межгрупповому контакту отрицательно связаны с одобрением дискриминации иммигрантов в социоэкономической сфере.

Новизна исследования заключается в том, что были совместно рассмотрены двухкомпонентная модель Дж. Даккита (Duckitt, 2001; Duckitt & Sibley, 2017) и модель отношений принимающего общества к культурному многообразию (Berry, 2006; Berry & Kalin, 1995; Schalk-Soekar & van de Vijver, 2008), чтобы выяснить, сколько предсказанной дисперсии разделяют модели, и в какой степени каждая модель добавляет уникальный компонент к предсказанию. Конвергенция такого рода моделей остро необходима как для области аккультурации, так и для области межгрупповых отношений (см. Ward, Szabo, & Stuart, 2017). Концептуальная модель тестировалась с помощью моделирования структурными уравнениями, включая проверку измерительной и структурной инвариантности, и была поддержана данными, авторитаризм правого толка и мультикультурная идеология имели хорошо выраженные негативные и позитивные последствия для межгрупповых отношений, соответственно.

Кроме того, значимость этого исследования в том, что представления людей о социальном мире как опасном и конкурентном месте, которое формируется индивидуальными различиями, исходящими из личного опыта социализации и воздействия существующей социальной среды, также могут быть отрицательно связаны с поддержкой мультикультурной идеологии и готовностью участвовать в

межгрупповых контактах, что, в свою очередь, может вызывать одобрение дискриминации иммигрантов в социоэкономической сфере.

Часть 2. Исследование 4. Аккультурационные профили принимающего населения в России и их межгрупповые установки

В исследовании, проведенном Grigoryev и van de Vijver (2018) с использованием подхода, ориентированного на человека (person-oriented), к аккультурационным ожиданиям россиян, было обнаружено наличие трех аккультурационных профилей и оценены взаимосвязи между ними и межгрупповыми установками. Исследование носило поисковый характер и проверяло предположение, что более предубежденные представители принимающего населения, которые имеют выраженные авторитарные установки, отвергают культурное многообразие, воспринимают социальную среду как конкурентную и угрожающую безопасности, имеют аккультурационные профили более ассимиляционного типа. Кроме того, сами аккультурационные профили показывают доменную специфику, которая сводится к различию в ожидании поддержания иммигрантами их собственной культуры в основных сферах жизни (например, работа, семейные отношения, ценности и т. д.).

Новизна исследования заключается в том, что, сочетание анализа латентных профилей и рассмотрение различных доменов аккультурации из публичной и частной сферы позволило выделить три легко интерпретируемых аккультурационных профиля: бикультурный, альтернативный бикультурный (с различиями в частной и публичной сфере) и ассимиляционный. Последующий сравнительный анализ показал, что эти профили в основном отличались степенью желательности поддержания этнической культуры и принятия доминирующей культуры иммигрантами только в частной сфере жизни. Бикультурный профиль (23%) имеют люди, которые поддерживают идею мультикультурного общества. Альтернативный бикультурный профиль (48%) имеют люди с немного меньшим акцентом на принятие доминирующей культуры для иммигрантов, различием между предпочтениями в публичной и частной сферах жизни

(больше внимания уделяется именно публичной сфере) и меньшим уровнем авторитаризма правого толка. Ассимиляционный профиль (29%) имеют люди с более сильной верой в опасный мир и одобрением дискриминации, а также имеющие более низкие поддержку мультикультурной идеологии, готовность участвовать в межгрупповых контактах и стремление поддерживать сохранение этнической культуры иммигрантами.

Значимость этого исследования заключается в демонстрации того, что для иммигрантов в нынешних условиях очень важна корректировка аккультурационных ориентаций, особенно в публичной сфере аккультурации, при этом поддержание иммигрантами собственной культуры будет в наименьшей степени приводить к конфликтам, если оно будет касаться только частной сферы. Более амбициозным и трудоемким решением было бы попытаться пересмотреть ожидания принимающего общества на более интеграционный тип, поскольку доминирующая группа оказывает большее влияние на процесс аккультурации.

КЛЮЧЕВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Положения на защиту:

1. Иммигранты с более выраженной ориентацией на принимающее общество (ассимиляция и интеграция) имеют более высокий уровень социоэкономической адаптации, чем иммигранты с ориентацией на свою этническую группу.

2. Более высокий уровень языковых навыков способствует аккультурационным предпочтениям, которые ориентированы на принимающее общество (интеграция и ассимиляция). Чем дольше иммигранты проживают в принимающей стране, тем больше они склонны сосредоточиться на интеграции и меньше на своей этнической группе. Кроме того, иммигранты с более высоким уровнем владения языком принимающей страны и более продолжительным временем пребывания в принимающей стране имеют более высокий уровень социоэкономической адаптации.

3. Этническая и религиозная идентификация имеют последствия для аккультурационных предпочтений (напр., для русскоязычных иммигрантов в Бельгии этническая и религиозная идентификация могут быть источником сохранения родной культуры). Сильная этническая и религиозная идентификация может препятствовать ассимиляции иммигрантов и способствовать выбору стратегии сепарации.

4. Более предубежденные представители принимающего населения, которые имеют выраженные авторитарные установки, отвергают культурное многообразие, воспринимают социальную среду как конкурентную и угрожающую безопасности, имеют аккультурационные профили более ассимиляционного типа. Кроме того, сами аккультурационные профили показывают доменную специфику, которая сводится к различию в ожидании поддержания иммигрантами их собственной культуры в основных сферах жизни (например, работа, семейные отношения, ценности и т. д.). Такое положение дел создает трудности для социоэкономической адаптации иммигрантов в принимающей стране.

Выводы

Результаты моего диссертационного исследования позволяют сделать следующие выводы. Русскоязычные иммигранты в Бельгии, в отличие от иммигрантов из других регионов, не имеют препятствий, связанных с темным цветом кожи и неевропейским фенотипом (Grigoryev & van de Vijver, 2017), поэтому в случае ориентации на принимающее общество имеют меньший риск дискриминации на рынке труда. Кроме того, у них нет развитой экономики этнических анклавов, чтобы использовать поддержку культурных связей в случае предпочтения сепарации. Также большинство исследований аккультурации русскоязычных иммигрантов в странах ЕС и США показали, что ориентация на принимающее общество (интеграция и ассимиляция), лучшее знание языка принимающей страны и более длительный срок пребывания в принимающей стране связаны с большей социоэкономической адаптацией (см., напр., Besevegis & Pavlopoulos, 2008; Drydakis, 2013, Jasinskaja-Lahti, Norenczyk, & Kinunen, 2011; Vinokurov, Birman, & Trickett, 2000). Эти данные

согласуются с гипотезой ассимиляции, теорией человеческого капитала (Drydakis 2013, Gorodzeisky & Semyonov, 2011) и теорией этнических анклавов (Portes & Bach, 1985). Кроме того, в аспекте аккультурации этническая и религиозная идентификация могут иметь последствия для аккультурационных предпочтений (Gattino, Miglietta, Rizzo, & Testa, 2016; Samnani, Boekhorst, & Harrison, 2012), для русскоязычных иммигрантов в Бельгии они могут быть источником сохранения родной культуры. Характер взаимосвязей между социодемографическими и психологическими переменными и социоэкономической адаптацией иммигрантов из России, проживающих в Бельгии, соответствует большей части результатов исследований других обществ с другими группами иммигрантов (напр., Berry, 2017). Следовательно, результаты могут претендовать на определенную степень валидности. Я также могу предположить, что аналогичные взаимосвязи могут быть найдены для других белых иммигрантов в западных странах, которые также не живут в районах с высокой этнической плотностью и/или не имеют развитой анклавной экономики.

Для принимающего населения был продемонстрирован общий психологический механизм одобрения дискриминации иммигрантов в социоэкономической сфере. В некотором смысле результаты похожи на те, которые были показаны западными коллегами в своих странах (напр., Berry, 2006; Cohrs & Stelzl, 2010; Haugen & Kunst, 2017; Kauff et al., 2015; van Oudenhoven, Prins & Buunk, 1998), но в некотором роде они отражают чисто российскую специфику. Например, представления о социальном мире как о опасном и конкурентном месте, где образ жизни достойных людей находится под постоянной угрозой, где «люди идут по головам» ради собственной цели, мотивируют людей отказаться от идеи мультикультурного общества и контактов с иммигрантами, а также стимулируют поддержку авторитарных идеологических установок. Другими словами, люди с консервативной ориентацией стремятся восстановить чувство безопасности и социального контроля с помощью негативных взглядов на разнообразие, а также установить строгие границы и иерархию между социальными группами и одобряют

дискриминацию. Это типичный консервативный ответ на социальные изменения (см., напр., Crawford, 2017, Jost, Glaser, Kruglanski, & Sulloway, 2003, Napier, Huang, Vonasch, & Bargh, 2018), которые воспринимаются как угроза физической, экономической и культурной безопасности. В качестве специфичного для России результата можно отметить характер взаимосвязей между идеологическими установками. Например, ортогональность авторитаризма и ориентации на социальное доминирование, что несколько расходится с данными мета-анализа на основе исследований, проведенных в западных странах (см. Perry, Sibley, & Duckitt, 2013). В целом, практические выводы этой части моего диссертационного исследования перекликаются с рекомендациями Berry (2016) по улучшению межгрупповых отношений, которые включают: (1) поддержку политики в области мультикультурализма и интеграции; (2) повышение уровня культурной, экономической и личной безопасности; и (3) предоставление возможностей для межгрупповых контактов. В свою очередь, это позволит уменьшить дискриминацию иммигрантов в социоэкономической сфере, что впоследствии может обеспечить гораздо лучшую социоэкономическую адаптацию иммигрантов в принимающей стране.